

СТАТЬИ

С.Г. КОЛТУХОВ
S.G. KOLTUKHOV

ПОГРЕБЕНИЯ ПЕРИОДА СКИФСКОЙ АРХАИКИ В ВОСТОЧНОМ И СТЕПНОМ КРЫМУ BURIALS OF THE SCYTHIAN ARCHAIC PERIOD IN THE EASTERN AND STEPPE CRIMEA

Понятие «скифская архаика», как обоснованно замечает И.Н. Медведская, восходит к хронологии, созданной на основе предметов античной архаики, фигурировавших в роли датирующего инструмента в раннескифских комплексах. Такой подход базируется на материале, поступавшем в варварский мир во время сосуществования греческих эмпориев, временных или постоянных [Буйских, 2013, с. 225 – 233], первых апойкий и наиболее ранних скифских памятников Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Античные хроноиндикаторы зафиксировали представления о возникновении собственно скифской культуры в границах VII в. до н.э. [Медведская, 1992, с. 86 и сл.].

Термин «архаический период» традиционно использовали В.И. Ильинская и А.И. Тереножкин [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 16], хотя в той же работе определили интервал в рамках VII – V вв. до н.э., включающий два периода: собственно архаический – VII – VI вв. до н.э. и классический – V в. до н.э. Не столь жесткой была периодизация А.И. Мелюковой, следовавшая классической схеме А.А. Спицина [Спицин, 1918]. Раннескифский период был соотнесен со второй половиной VII – VI в. до н.э., а последующий среднескифский датирован концом VI – V в. до н.э. [Мелюкова, 1989, с. 49].

В целом, спектр представлений о скифской архаике ведущих скифологов в вопросах периодизации памятников Европейской Скифии убедительно показан А.Ю. Алексеевым [Алексеев, 2003, с. 23, табл. 1]. Исследователь, рассмотрев различные периодизации, существовавшие на 90-е гг. прошлого века, определил архаический период Европейской Скифии в рамках последней четверти VIII – последней трети VI в. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 29], хотя и время формирования скифской классики уместно отнести к последней трети VI в. до н.э.

К памятникам скифской архаики, условно к VII – VI вв. до н.э., на территории Крымского полуострова можно отнести крайне ограниченное число достоверных комплексов (рис. 1)¹. По мнению С.А. Скорого [Скорый, Зимовец, 2014, с. 13], это

¹ В 1914 г. киевские исследователи С.А. Скорый и Р.В. Зимовец опубликовали обильную и крымскую, по их мнению, коллекцию скифского оружия и украшений [Скорый, Зимовец, 2014], а в 2021 г. после нескольких визитов в Крым переиздали ее с дополнениями [Скорый, Зимовец, 2021]. У меня не

5 погребальных комплексов, исследованных археологами: погребение второй половины VII в. до н.э. в кургане на Темир-Горе, погребение второй половины VII в. до н.э. в кургане у с. Филатовка на Перекопском перешейке, погребение 5/10² у Григорьевки в Степном Крыму, погребение 3/1 у с. Черноземное в степи и погребение у с. Изюмовка на границе степи и предгорья. Суть отсева, по С.А. Скорому, заключена в отсутствии в собственно скифских комплексах кизилкобинской керамики, характерной для второй, близкой по обряду группы погребений, сосредоточенных в предгорьях³.

В.А. Колотухин, публикуя степной материал из раскопок Северо-Крымской экспедиции, не видел принципиальных оснований для использования подобного фильтра [Колотухин, 2000, с. 68]. По мнению автора, вывод коллег из ИА НАНУ отчасти верен⁴, а в число памятников, характеризующихся как архаические скифские, можно было бы включить погребение Филатовка-11/4 и погребение в культурном слое Кировского поселения.

Скифские погребения архаического периода

Древний курган на Темир-Горе и его основное погребение (рис. 2). Наиболее обстоятельно этот памятник и историю его исследования охарактеризовала М.Ю. Вахтина, рассмотревшая и архивные источники, и материалы коллекции [Вахтина, 2016, с. 73 – 82; Вахтина, 2016а, с. 44 – 68; Вахтина, 1917, с.389 – 410]. Благодаря ее публикациям стали заметны моменты, не отмеченные Э.В.Яковенко, подготовившей первую обстоятельную публикацию материалов [Яковенко, 1972], однако мне понятна и критическая оценка «загадочного» памятника, данная Т.М. Кузнецовой [Кузнецова, 2002].

Курган располагался в Восточном Крыму на вершине Темир-Гора (рис.1,1) в

вызывает сомнений профессионализм ученых, хотя и здесь встречаются погрешности. Поставщиками древностей были «поисковики», и это минус, весьма существенный при условии полного доверия ученых мужей к сведениям о локализации находок, которые, как правило, скрывают или фальсифицируют. У меня доверия нет, так А.В. Гаврилов, известный крымский археолог, знаток античных и варварских древностей Восточного и Юго-Восточного Крыма, для многих опубликованных предметов получил от тех же людей совершенно иную локализацию. Все это ставит под сомнение и саму коллекцию, и исторические выводы коллег в той их части, в которой они базируются на материалах свода [Скорый, Зимовец, 2021, с.287 – 326]. Вскоре после появления первого издания я опубликовал свои замечания [Колтухов, 2017], однако интерпретация материала не изменилась, а свободно формулируемые историко-географические оценки так и не были подкреплены обоснованиями. Однако об этом отдельно и не здесь.

² В дальнейшем в числителе – номер кургана, в знаменателе – номер могилы.

³ Этот вывод убедителен при оценке пятерки памятников архаического времени, но ошибочен для скифской классики. Лепная керамика с резным декором в конце архаического, начале классического времени хорошо известна в скифских погребениях западной части Крымского полуострова: между реками Альма в предгорье и Самарчик в Присивашье, а в восточном направлении она фиксируется вплоть до предгорных окрестностей Симферополя [Колотухин, 2000; Кравченко, 2009; Колтухов, 2012; Колтухов, 2012 а; Колтухов, Сенаторов, 2016].

⁴ Об этом ниже.

7км к северо-востоку от исторического ядра г. Керчи, у северо-восточной границы курганного некрополя античного Пантикапея. Высота доминирующей вершины, господствующей над местностью на многие километры, 154 м над уровнем моря.

Раскопки кургана проводились неоднократно и разными исследователями: П.И. Хицуновым, а затем А.Е. Люценко в 1869 и 1870 гг. [ОАК – 1869, с. XII – XIII; ОАК – 1870-1871, с. XX – XXIII]. В 1878 г. остатки кургана доследовал С.И. Веребрюсов, но безрезультатно.

Высота кургана по П.И. Хицунову в 1869 г. составляла 4 саж. (8,5 м), окружность – 42 саж. (около 90 м при диаметре 28 м), курган имел каменную крепиду. По данным А.Е. Люценко, высота насыпи в 1970 г. составляла 2 ½ саж. (5,3 м) [Вахтина, 2016а, с.53].

Размеры кургана и время его сооружения ставили памятник в один ряд с курганами Келермесского могильника, однако находки, в сравнении с Келермесом, выглядели более чем скромными. Уже это противоречие дает основание для предположения о сложной стратиграфической структуре памятника и существовании у него как первоначальной насыпи, так и досыпок, разнесенных по времени на несколько столетий.

Полевые работы велись раскопами и траншеями, но позволили вскрыть почти всю площадь памятника от крепиды к центру [Вахтина, 2017, с. 393]. Судя по рисунку Ф.И. Гросса (рис. 2,1), после работ Хицунова и Люценко внутри кромлеха оставались лишь останцы насыпи. Завершенной или просто выразительной стратиграфии кургана мы не имеем, тем не менее наклонные слои на рисунке Ф.И. Гросса свидетельствуют о сложном формировании насыпи.

В стандартном случае что-то подсказала бы планиметрия памятника, но она существует лишь в виде интересной, но весьма условной схемы, выполненной по описанию [Кузнецова, 2002, с.87, рис.1]. Рассматривая памятник как курган, начнем с так называемых «точков» античного времени. Первый точок, обнаруженный Хицуновым, располагался не где-либо в насыпи, а на материке у каменной крепиды⁵. Сама крепида состояла, судя по обобщению А.Е.Люценко, из нескольких рядов тесаных плит, как и во многих пантикапейских курганах [Вахтина, 1917, с. 399]. Следовательно, она сооружена по боспорским строительным канонам и ее стоит синхронизировать с кремациями, а значит, отнести к V – IV вв. до н.э.

Затем через 6 сажен (13 м) по направлению к центру, а практически в центре кургана, под каменным завалом, что показательно, после выемки земли (в материке на глубине 1/2 арш.) был найден еще один точок этого же времени⁶. Общая глубина явно

⁵ Подобная ситуация известна автору в курганах античного времени Восточного [Колотухин, Колтухов, 2007 с. 213-217] и Северо-Западного Крыма [Колтухов, 2012, с. 51-52], в которых основные погребения в каменных склепах находились в центре, а погребения лиц с не столь высоким статусом примыкали в крепиде.

⁶ В кургане были и другие погребения, однако их позиция либо не ясна, либо они еще моложе кремаций.

велика для впускной могилы с остатками кремации в кургане высотой и 5 и 8 м. Из сказанного следует, что курган к V – IV вв. до н.э. стал двухслойным. В пользу такой интерпретации свидетельствует и рисунок Ф.И. Гросса (рис.2,1), отображающий слоистую структуру насыпи, тогда как сооружение его крепиды относится ко времени существования Боспорского царства. Досыпку кургана, придавшую ему оптимальные параметры, рационально соотносити с кремациями боспорян.

Основное скифское погребение находилось под центральной частью насыпи в вырубленной в скале округлой яме, расположенной «...с северной стороны кургана, близ центра его под теми же завалами⁷.., длиной 2, шириною 1 ½ и глубиною 2/3 саж., вырубленной в скалистом материке и заключающей в себе только одного, лежавшего головою на запад, человеческого остова, при костях которого найдено: у ног – один раздавленный землёю и камнями глиняный кувшин, с изображением на желтом поле черною и красною красками разных зверей в древнейшем стиле (кувшин этот, которого все черепки собраны, может быть вполне реставрирован); возле левой руки – один бронзовый загадочного значения прутик в золотой оправе, поврежденный окисью бронзы, костяное отчего-то, состоящее из двух частей украшение фантастической формы, с весьма курьёзною на нём резьбою, шесть костяных конической формы трубочек с двумя бронзовыми, по-видимому, принадлежащими к ним наконечниками, и восемь маленьких костяных вещиц в виде пуговок и закруглённых цилиндриков...»⁸.

По определению Л.В. Копейкиной, античный расписной сосуд охарактеризован как ойнохоя с валикообразным венчиком (рис. 2,2)⁹. Описание росписи приведено Л.В.Копейкиной [Копейкина, 1972, с. 148]. «Роспись ойнохой очень изящна. Горло украшает широкая полоса меандра. Сверху и снизу его окаймляет петлеобразная плетенка. Вокруг горла по плечикам идет неширокая полоска палочного орнамента. Плечики и среднюю часть тулова ойнохой украшают два фриза с изображением животных. В верхнем фризе в центре мы видим фигуры пантеры и быка, идущих навстречу друг другу. Между ними маленькая фигурка лисы. Справа и слева от центральной композиции – фигуры козлов. Один из них (слева), гордо подняв голову, идет вперед, другой (справа) спокойно щиплет траву.

В нижнем фризе изображена сцена охоты: собаки преследуют зайцев и козлов. Свободное пространство между фигурами животных в обоих фризах заполнено орнаментом. Он расположен негусто, удачно сочетаются крупные и мелкие элементы его, так что остается много свободного пространства. Мотивы орнамента очень раз-

⁷ В данном случае, имеются в виду те же «завалы», что и над центральной боспорской кремацией, судя по описанию, и они могут относиться к античному времени, следовательно, это наблюдение вновь позволяет считать насыпь кургана, существовавшую в V–IV вв., двухслойной. Появление последующих досыпок и их характер вопрос иной и не имеющий отношения к этой работе.

⁸ Ссылка М.Ю. Вахтиной на НА РА ИИМК РАН. ф. 1, 1870. д. № 23. л. 29, об.

⁹ Добавим такие типологические признаки, как коническое горло и овоидное в сечении широкое тулово на низком поддоне.

нообразны: различного вида розетки, свастика, ромбики, крестики. Между фризами и под нижним фризом проходят два пояса петлеобразной плетенки. Нижнюю часть тулова сосуда около самой ножки украшает палочный орнамент. Ручка, как было указано выше, трехствольная. Средний ствол украшен прямоугольниками темного лака, а боковые стволы украшены точками. Под ручкой – орнамент лучей.

Вся роспись сделана кистью, без применения гравировки и накладных красок. Изображение животных выполнено в технике «пропущенных» линий (собака, бык, козлы, лиса) или просто в контурной технике (пантера, заяц), частью обозначено контурными линиями, и пространство внутри заполнено штриховкой [Копейкина, 1972, с. 148].

Сосуд принадлежит к группе Middle Wild Goat Styl 1, относящейся к продукции одной из восточно-греческих мастерских, предположительно милетской, работавшей в третьей четверти VII в. до н.э., ее продукция в это же время зафиксирована и в иных пунктах Северного Причерноморья [Денти, 2016, с. 15, 33]. По мнению современных исследователей, сосуды с близкой росписью были в то же время в ходу у обитателей Немировского городища в Лесостепном Побужье [Вахтина, Кашуба, 2014, с. 80] и в Прикубанье. Можно допустить, что кувшин из Темир-Горы морфологически близок к прикубанским сосудам из кургана у хут. Красный [Шевченко, 2013, с.117].

Проблема с хронологией охарактеризована Л.В. Копейкиной, датировавшей сосуд 40-ми гг. VII в. до н.э. [Копейкина, 1972, с. 156]. Дата ойнохои определяет и датировку самого погребения в рамках третьей четверти VII в. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 295].

М.Ю. Вахтина и ее коллеги, основываясь на предположении о существовании скифского сезонного маршрута, связывающего Прикубанье и лесостепь Украины [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980; Вахтина, 2016, с. 15-16], высказали гипотезу о распространении античной расписной керамики в соответствии с маршрутами перекочевков. Параллельно существует не менее убедительная версия торговых маршрутов. Например, время появления березанского поселения – Борисфена археологически отнесено к концу VII – первой половине VI в. до н.э. [Чистов, 2012, с. 6,7]. А.В. Буйских допускает первоначально сезонный, связанный с навигацией характер эмпория, что отвечает во второй-третьей четверти VII в. до н.э. факту появления в украинской степи и лесостепи античной керамики [Буйских, 2013, с.226 – 229]. Думается, что подобная система эмпориев охватывала не только Северо-Западное но и Северо-Восточное Причерноморье и обоснованием для этого могут послужить керамика Новозаведенного-2 [Петренко, Маслов, Канторович, 2000], сосуды Темир-Горы [Вахтина, 2016, Вахтина 2017] и Филатовки [Корпусова, 1980]. Основание постоянного эмпория на территории Пантикапея относят к последней четверти VIIв. до н.э., предположительно к 615 – 610 гг. до н.э. [Толстиков, Тугушева, Астахова, 2017, с. 25]. Временный торжок, возможно более ранний, вероятен в Нимфейской бухте, лежащей вне устьев пролива.

Зооморфное костяное налучье и костяная зооморфная пряжка полноценно охарактеризованы Н.Ю. Смирновым [Смирнов, 2015].

Костяное налучье в виде головки фантастического существа (рис. 2,3), в версии А. Р. Канторовича барано-птицы – келермесско-новозаведенского типа [Канторович, 2017, с. 169, рис. 5,5]. Это изделие с внутренней глухой втулкой и узким отверстием для штифта, закрепляющим наверху на некой деревянной или костяной основе. База изделия оформлена в виде круглой головы хищной птицы с массивным сильно загнутым клювом. Глаза переданы несколькими концентрическими кругами, в основании головы дополнительное рельефное изображение в виде небольшой раздвоенной фигурки хищника [Канторович, 2015а, с.172-173; рис. 20,31], скорее всего, пантеры. Аналогичное рельефное по стилю и технике изображение расположено на восковице птицы и представляет собой завершение рогов барана. Изображение голов животных с двух сторон клюва полностью подчинено стилизации.

Ближайшей аналогией этому изделию, с учетом его морфологических и стилистических особенностей, является налучье из впускного скифского погребения Новоалександровка-7/8, исследованного в кургане эпохи бронзы на левобережье Нижнего Дона [Кореньяко, Лукьяшко, 1982, с. 153 и сл.]¹⁰. Погребение было датировано на основе античной амфоры, которую И.Б. Брашинский отнес ко времени не ранее середины VI в. до н.э. [Кореньяко, Лукьяшко, 1982, с.157], а В.П.Копылов¹¹ – ко времени не позднее второй четверти VI в. до н.э. [Копылов, 1994, с. 23]. С.Ю.Монахов охарактеризовал эту же амфору [Монахов, 2003, табл. 17. 5] как милетскую архаического типа варианта 1 С и датировал вариант второй – третьей четвертью VI в. до н.э. или же серединой VI в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 32]. Не вызывает сомнений ее сходство с амфорой из Репяховатой могилы, которую сам С.Ю. Монахов относит к первой половине VI в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 32], впрочем, ее же относят либо ко второй половине VII в. до н.э., либо ко времени не позднее рубежа VII – VI вв. до н.э. [Медведская, 1992, с. 86; Дараган, 2010, с. 197]. Все сказанное в пользу ранней даты амфоры из Новоалександровки и практической синхронности налучий из Темир-Горы и Новоалександровки.

В близком стиле украшено костяное налучье в виде головы птицы из кургана Новозаведенное-II/13, датированного исследователями второй половиной VII – началом VI в. до н.э. [Петренко, Маслов, Канторович, 2000, с. 244, рис. 5,1, с. 246]. Третьей, морфологической и стилистической аналогией изделию из Темир-Горы является наверху в виде головы птицы из кургана Нартан-6 [Батчаев, 1985, табл. 21, 23; Канторович, 2015, с.643 и сл.], датируемого А.Ю. Алексеевым 625 – 590 гг. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 108, табл. 5].

Несколько необычно, скорее даже нестандартно, изделие из кости в виде небольшой подтреугольной пряжки (рис. 2,4) или бляхи с двумя отверстиями, крупным

¹⁰ В данном случае мы не рассматриваем характеристику погребального сооружения и соотношение подобной могилы с некой овальной ямой или подбоем, в котором находились кости барана и милетская амфора.

¹¹ Со ссылкой на С.Ю. Монахова.

отверстием в центре и небольшим на краю. На лицевой стороне существует низкорельефное изображение свернувшейся пантеры [Артамонов, 1968, с.33]. Однако сама моделировка объема и изображения соответствует изображениям пантер на костяных навершиях Келермесских курганов [ср. Галанина, 1997, табл. 16, 259, 377, 375] или на литых наконечниках ножен из Закавказья [Техов, 1980, с. 251, рис. 21]. А это можно рассматривать как указание на территорию производства изделий из погребального комплекса Темир-Горы.

Учитывая расположение двух находок слева от костяка, их можно рассматривать и как детали лука и колчана или горита с луком. Сравнительно недавно и головку, и бляху¹² было предложено рассматривать как украшения нагайки [Смирнов, 2015, рис. 2, 1]. Однако на втулке центрального отверстия бляхи (?), судя по рисунку Н.Ю.Смирнова, отсутствует место для штифта или иного жесткого крепления, что не придает необходимой убедительности новой реконструкции.

В пользу горита или колчана свидетельствует тот факт, что с этой же стороны была найдена стержневидная, круглая в сечении застежка (рис.2,7), бронзовая и плакированная золотом. В центре она разделена на две части узким и гладким перехватом, далее по направлению к концам, поверхность оформлена в виде рубчатых и гладких колец, окончания имеют вид грубых, скорее всего, львиных головок. Прямой аналогией находке является застежка из Литого (Мельгуновского) кургана [Придик, 1911, с. 20, рис. 14], широко датируемого А.Ю. Алексеевым второй половиной VII в. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 295], что, в принципе, отвечает времени Темир-Горы.

«Восемь маленьких костяных вещиц...» (рис. 2, 5) относятся к числу так называемых костяных гвоздиков, пуговиц, застежек-скреп и т.п., широко распространенных в архаическое время в Прикубанье, Приазовье и Причерноморье. Их вероятная связь с горитом или колчаном в Темир-Горе [Яковенко, 1972, с.262] подтверждается тем, что такие же изделия были обнаружены среди деталей колчана или горита в погребении 2 Репяховой могилы, где лежали полукруглыми шляпками наружу [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с.44].

«Шесть костяных конической формы трубочек...» (рис. 2,6) Э.В. Яковенко предложила рассматривать как элементы составных стрел [Яковенко, 1972, с. 262 – 264]. Сами бронзовые наконечники, найденные в количестве двух штук, то ли в трубочках, то ли вместе с ними, то ли не сохранились, то ли еще будут найдены, в коллекциях Эрмитажа.

В весьма узком типологическом спектре скромный инвентарь основного захоронения Темир-Горы находит аналогии в таких выразительных памятниках, как Новозаведенное-II или же погребение у Новоалександровки. Однако сходства с выдающимися элитными памятниками степи, лесостепи и Кубани, при сравнении погребально-поминальных действий и разнообразия погребального инвентаря, не обнаруживается в принципе.

¹² Опубликованных в виде тщательного и надежного чертежа.

Подытожим доступные данные. Первоначальный курган на Темир горе был заметно меньше, чем это принято считать. То крупное сооружение, которое видели Хицунов и Люценко, относилось ко времени не ранее V – IV вв. до н.э. Основное погребение древнего кургана, скрытого под античной насыпью, действительно датируется третьей четвертью VII в. до н.э. Пол человека не установлен, отсутствие клинкового оружия и наличие деталей лука и стрел свидетельствуют о вооружении лучника или лучницы. Исходя из особенностей погребального инвентаря, формы могильной ямы, положения и ориентации костяка, наиболее близким к основной могиле Темир-Горы представляется погребение Новоалександровка-7/8,¹³. Приазовье, Кубань и Северный Кавказ – это ареалы распространения погребальных памятников с наиболее близкими изделиями в скифском зверином стиле. Древнейшее погребение в Темир-Горе не относится к числу элитных. По мнению автора, более вероятен вариант с захоронением в отдельном небольшом кургане представителя или представительницы родовой верхушки кочевников¹⁴.

Филатовка-11/1 [Бессонова, Черных, Куприй, 1980, с.61], погребение исследовано в 1987 г. Северо-Крымской экспедицией под руководством В.Н. Корпусовой. Памятник расположен на Перекопском перешейке южнее Литовского полуострова (рис.1,2) [Колтухов, 2012, рис. 1, 7]. Впускное захоронение было совершено в сильно распаханном кургане эпохи поздней бронзы высотой 1,3 м и смещено на 8м от центра в северную полу насыпи (рис. 3,1). Это позволяет предположить, его «подчиненный» характер по отношению к синхронному погребению, занимавшему центр кургана. Не исключено, что сакральным объектом, образующим пространство, в данном случае послужило погребение 4, вполне обоснованно отнесенное исследователями кургана к раннему железному веку. [Бессонова, Черных, Куприй, 1980, с.62-63]¹⁵.

В погребении 1 могильное сооружение не прослежено, поза погребенного не установлена. Судя по остаткам черепа, обнаруженным на глубине 0,4-0,5 м от поверхности кургана, захоронение человека было совершено головой на запад. Рядом с остатками черепа находилась кость не крупного животного (овцы-козы) по определению исследователей и обломки ангобированной ойнохой из красно-коричневой глины,

¹³ Не исключено, что западная часть могилы из Новоалександровки с ее содержимым могла представлять собой другое, более позднее погребальное сооружение.

¹⁴ Критерии выявления этой социальной группы в погребальном обряде скифов давно и убедительно изложены Е.П. Бунятян [Бунятян, 1985].

¹⁵ Захоронение взрослого человека располагалось в центре кургана и было совершено в подбойной могиле. Под северной стенкой подбоя находился костяк взрослого человека, погребенного вытянуто на спине головой на юго-запад. Недалеко от черепа был отмечен отпечаток деревянного сосуда. Иного инвентаря не обнаружено. Это позволяет датировать погребение 4 как предскифским, так и скифским временем. Ничего другого для определения позиции погребения 1 в этом кургане нет. Конечно, нельзя полностью исключать вариант, при котором в центре кургана находилось еще одно скифское погребение, разрушенное и не прослеженное исследователями, но хоть кто-нибудь, хоть что-нибудь, да увидел бы...

расписанной в восточнореческом (родосско-ионийском) стиле [Корпусова, 1980].

Высота сосуда 25 см, диаметр тулова 19,5 см. Горловина трехлепестковая, высоко поднятая ручка, в сечении трехствольная (рис. 3,3,4). Венчик и ручка сосуда покрыты буровато-черным лаком. На горле поясok жемчужника, под ним на лицевой стороне сосуда изображение козла, преследуемого собакой. Свободное пространство заполнено ромбами, свастиками, двойными спиралями, овами, жемчужником и буквой «Р» в углах (рис. 3,5). Ниже несколько поясков бурого лака, под ними фриз лучевого декора и залитое лаком основание с низким кольцевым поддоном (рис. 3,4). По особенностям росписи и морфологическим признакам сосуд на основе аналогий из различных коллекций был отнесен В.Н. Корпусовой к третьей четверти VII в. до н.э. [Корпусова 1980, с. 102-103]. По мнению автора, сосуд может относиться ко второй половине или к последней четверти VII в. до н.э., так же как и еще одна восточно-греческая ойнохоя [Boardman, 1998, 361].

Погребение-4 [Бессонова, Черных, Куприй, 1980, с.62-63] впускное, находилось в центре кургана, подбойная могила 2,45 x 0,95 м прослежена на глубину 1,45 м (рис.3,1,2). Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине головой на юго-запад. В южном углу – ямка со следами дерева, надо полагать, это след деревянного сосуда. Судя по взаиморасположению погребений 1 и 4, только погребение 4 могло служить пространственным репером для погребения 4.

Григорьевка-5/10 – погребение впускное, исследовано Северо-Крымской экспедицией в 1986 г. [Колотухин, 2000, с. 37; Колтухов, 2012, с. 83], находилось в центральной части крымской степи на восточной оконечности одного из увалов Тарханкутской возвышенности (рис.1,3). Погребальное сооружение располагалось в центре курганной насыпи эпохи бронзы, современная высота насыпи около 2м. Могила представляла собой катакомбу с крупной полуовальной или овальной входной ямой, забитой бутовым камнем, дно которой отделено от дна погребальной камеры маленькой ступенькой. Форма лаза в камеру и форма потолка не известны (рис.4,4). Погребальная камера полуовальная размером 2,0 x 1,4 м. Наиболее близкой конструктивно представляется катакомба архаического времени Новокорсунская-1/2, в пользу аналогии служат и скорченное положение костяка, и костяные «столбики» [Дубовская, 1990, с. 182, 183, рис.1]. Захоронение взрослого человека было совершено в скорченном положении на правом боку с разворотом на живот при западной ориентации (рис.4,4). В области грудной клетки находились два костяных «столбика» (рис.4,6)¹⁶, а в заполнении над костяком – бронзовый наконечник стрелы (рис. 4,5). В ногах на остатках овального деревянного изделия, блюда, по мнению В.А.Колотухина [Колотухин, 2000, с. 37], лежали лопатка, ребра и кости ноги небольшого животного (овцы, козы?).

Ближайшие аналогии грибовидным столбикам с короткой цилиндрической ножкой известны в Крыму в погребении на Темир-Горе [ср. Вахтина 2016, с. 13, рис.1, 3], в Подонье, в курганах группы Высочино VII.3/2, VII.8/2 [Дубовская, 1997,

¹⁶ Известен рисунок одного из них.

с.200, рис. 9, 10,14], в Новоалександровке-24/5 [Дубовская, 1997, с. 204, рис. 11,7], в погребениях Новокорсунской [Дубовская, 1990, с. 183, рис. 1; Дубовская, 1997, с. 202, рис.10,6], в правобережной лесостепи в погребении 2 Репяховатой могилы [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 45, рис. 13 21].

Трехлопастной лавролистный наконечник стрелы с редуцированным шипом в основании короткой втулки (рис. 4, 5). Аналогичный наконечник известен в лесостепи в погребении 1 Репяховатой могилы [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 36с. 45, рис. 13, 2], в Подонье, в комплексе Новокорсунская-2/3 [Дубовская, 1990, с. 183, рис. 1, 12], в Молдавии в комплексе Старые Куконешти [Дубовская, 1997, с. 202, рис. 10, 22], аналогичные образцы можно найти и в других архаических наборах стрел из Предкавказья [Петренко, 1990, с. 78, 80-81].

Исходя из анализа античной керамики из погребения 2 Репяховатой могилы, этот памятник относится ко времени не ранее и не позднее второй половины – конца VII в. до н.э. [Дараган, 2010, с. 188, 197]. Интересно, что абсолютная дата около середины VII в. до н.э. предложена для протомеотского погребения Железнодорожный-2/8 с несколькими подобными стрелами в колчанном наборе [Лимберис, Марченко, с. 167, рис. 2, 10-12, с. 180]. В случае с Григорьевкой-5/10, исходя из различных современных обоснований, приемлемой представляется широкая датировка в рамках второй половины VII – возможно, начала VI в. до н.э.

Судя по датировкам и погребальному сооружению, захоронение в Григорьевке относится к числу редких погребальных памятников, обнаруженных в Степном Причерноморье – Приазовье, где катакомбы, они же крупные подбойные могилы, [ср. Ольховский, 1990, с. 215, табл. II. I/1, III/ 1-2А] единичны в VII – VI вв. до н.э. Среди пяти архаических памятников с близкими характеристиками, отмеченных О.Р. Дубовской [Дубовская, 1997, с. 200, рис.9,18, с. 202, рис.10,1,6,11,22], наиболее близкими представляются погребения из Прикубанья у ст. Новокорсунской. Погребение-1/2 было совершено в могиле, по форме соответствующей катакомбе с подпрямоугольной камерой с закругленными углами, костяк лежал скорченно на правом боку головой на восток, среди погребального инвентаря лепная лощеная корчага биконической формы и несколько костяных «столбиков» с цилиндрическим и приостренным основаниями [Дубовская, 1990, с. 182, рис. 1, 1-7]. Погребение по инвентарю может быть отнесено ко времени не ранее VII в. до н.э., но по типу могилы, положению и ориентации погребенного – это памятник, близкий захоронениям черногооровского типа. Думаю, это подтверждение существования в границах архаической Скифии предскифского или протоскифского населения. В Григорьевке-5/10 отмечена катакомба с захоронением на правом боку, но с западной ориентацией, которая хорошо известна в предскифское время при вытянутых погребениях, в Крыму встречена и при скорченном на спине положении костяка, в черногооровско-новочеркасском погребении Льговское-2/16 [Рукавишникова, Бейлин, Зайцев, 2018; Рукавишникова, Бейлин, Зайцев, 2019, с. 49 – 53].

Столь же интересно погребение Новокорсунская-2/3, в котором сочетаются признаки, характерные для новочеркасского (позднечерногородовского) обряда: крупная подбойная могила, слабо скорченное положение на правом боку головой на запад, а также раннескифский инвентарь, близкий находкам из Григорьевки¹⁷, мясная пища, представленная остатками костей барана со следами обжига, во входной яме находились кости конечностей и ребра лошади.

Погребение Черноземное-3/1 обнаружено в Восточном Присивашье (рис. 1,4). Захоронение впускное в кургане эпохи бронзы, расположено в центре насыпи, затронуто распашкой [Колотухин 2000, с. 16,17; Колтухов, 2012а, с. 57]. Остатки костяка подростка позволяют реконструировать вытянутое положение на спине головой на юго-запад. У кисти левой руки три железных наконечника стрел (рис. 4,7), на левом плече обломок узкого, прямоугольного в сечении песчаникового оселка (рис. 4,8) и костяная застежка горита (рис.4,9).

Двухлопастной железный наконечник стрелы с лавролистной головкой длиной около 7 см, втулка утрачена. Предмет достаточно крупный, вместе с втулкой его длина была бы не менее 10 см, аналогий такому большому наконечнику мне неизвестны, однако в Закубанье в то же время известны миниатюрные втульчатые наконечники копий или дротиков [Новичихин, 2006, с.53]. Два других наконечника меньше, длина первого – 5 см, длина второго – 4,3 см. О датировке стрел можно судить по колчанному набору из погребения Гладковщина-4/1 [Григорьев, Скорый, 2012, с. 453; Дараган, 2016, с.66,67], отнесенного ко времени не позднее последней четверти VII – рубежа VII – VI вв. до н.э. [Дараган, 2016, с. 71]. В VII – V вв. до н.э. втульчатые двухлопастные и трехлопастные наконечники с лавролистной головкой, изготовленные из бронзы или железа, распространены на Северо-Западном Кавказе [Батчаев, 1985, табл. 19, 27,28; 25, 26,27; Новичихин, 2006, с. 55]. Набор бронзовых и железных двухлопастных и трехлопастных железных наконечников происходит из погребения Высочино-7/4, датирован в пределах VII – V вв. до н.э., вероятно, это вторая половина VIIв. до н.э. [см. Кореняко, Лукьяшко,1982, с. 153, рис. 4]. В Правобережной украинской лесостепи интересен колчаный набор бронзовых и железных стрел из погребения Гладковщина-4/1, в частности включающий те же типы стрел, что и Высочино-7/4 и датирован последней четвертью – рубежом VII – VI вв. до н.э. [Дараган, 2016; Григорьев, Скорый, 2012, с. 458]. Отличаются от черноземненских более поздние железные наконечники стрел из Свиная могила 26/1, памятника, относящегося ко второй половине – последней четверти VI в. до н.э. [Дараган, 2017, с. 55, рис. 1, 1-2, с.99 – 101].

Костяная орнаментированная колчанная биконическая застежка (рис. 4,9) длиной 6,3 см с перехватом в центре и личинами на концах относится к типу, известному в раннескифское время в Северном Причерноморье и на Кавказе. По форме этой на-

¹⁷ Впрочем, в Григорьевке-5/10 не было лепного сосуда.

ходке близка беспаспортная металлическая застежка, связываемая с Келермесским курганом-4/Ш [Галанина, 1997, с. 190-191, табл.13, 68] с широкой датой в рамках второй половины VII в. до н.э.¹⁸

Небольшие узкие оселки с отверстием для подвешивания, а обломок из Черноземного относится к такому типу, характерны для Северного Причерноморья и Северного Кавказа начиная с предскифского времени [ср. Махортых, 2005, с. 36] и широко распространены вплоть до первых веков н.э.

Сказанное выше позволяет отнести скифское погребение из Черноземного ко времени не ранее второй половины VII в. до н.э., а судя по стрелам и застежке горита (колчана?), можно предположить связь со скифским населением Северного Кавказа.

Погребение в культурном слое Кировского поселения на Керченском полуострове (рис. 1,5) [Лесков, 1970, с. 15]. Контур погребального сооружения не прослежен. Захоронение взрослого человека было совершено вытянуто на спине головой на запад (рис. 4,3). Возле таза находился лепной горшок (рис. 4,1) и костяной столбик грибовидной формы с приостренным основанием (рис. 4,2), аналогичный многим костяным «гвоздикам», в том числе и из колчанов Репяховатой могилы [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 39, 44]. С учетом современной датировки Репяховатой могилы [Дараган, 2010] есть основания датировать кировское погребение второй половиной VII – началом VI в. до н.э.

Погребение у Изюмовки [Скорый, 1977; Скорый, 1981] обнаружено на границе степи и предгорий близ г. Старый Крым (рис.1,б) в распаханном или разрушенном кургане в 1961 г. при проведении сельскохозяйственных работ. По сообщению С.А.Скорого, опубликовавшего находку, в погребении помимо меча находились шлем и панцирь [Скорый, 1977, с. 280, прим. 3]. Обоюдоострый меч длиной 110 см обладал почковидным перекрестием, гладкой рукоятью и прямым навершием и был датирован исследователем VI – V вв. до н.э. [Скорый, 1977, с.281]. Несколько позже исследователь охарактеризовал находку в числе наиболее длинных мечей тяжеловооруженных скифских всадников [Скорый, 1981, с. 23]. Несколько лет назад дата была уточнена, теперь меч относится им ко времени не позднее VI в. до н.э. либо к концу VII – VI вв. до н.э. [Скорый, Зимовец, 2014, с. 14]. По мнению автора, воинское погребение со шлемом, панцирем и мечом в этой части Крыма не единственное. Севернее, у с. Надежда, обнаружено такое же погребение, скорее всего, это захоронение сопровождалось каменной стелой, а его датировка соответствует концу VI– началу V в. до н.э. [Полин, Колтухов, 2014]. Вероятно, оба памятника тяготели к античной Феодосии, появившейся не позднее второй половины VI в. до н.э. Представляется, что погре-

¹⁸ Недавно выразительная подборка металлических застежек была представлена в публикации находок из кургана 4164-15 у с. Китайгород. Некоторое сходство с крымской находкой имеет относящаяся к этому же времени металлическая застежка из кургана Журовка-406 [см. Ромашко, Скорый, Филимонов, 2014, рис. 5].

бение в кургане у Изюмовки, если данные о шлеме и панцире достоверны, это памятник конца архаического – начала классического периода.

Погребальный обряд и погребальный инвентарь

Пространственное распределение памятников этого периода даже при незначительном их количестве весьма показательно. Скифские погребения, а это единственный вид комплексов¹⁹, расположены следующим образом (рис. 1): курган на Темир-Горе (рис. 1,1) находился вблизи Керченского пролива, в северо-восточной части Керченского полуострова, на восточной оконечности хребта, вытянутого с востока на запад. Если использовать «транзитную» гипотезу проникновения в Крым ярких архаических погребальных комплексов [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980; Вахтина, 2017; Масленников, 1999, с. 171-172; Виноградов, 2006, с. 37], то можно предположить, что памятник лежит на маршруте, связывавшем Северный Кавказ и Предкавказье со степью и лесостепью Украины и относится ко времени не ранее третьей четверти VII в. до н.э.

С противоположной стороны крымского отрезка, на Перекопском перешейке, расположено погребение в кургане у Филатовки (рис. 1,2) [Бессонова, Черных, Куприй, 1984, с.62 – 63], относящееся к тому же периоду, что и Темир-Гора [Корпусова, 1980, с. 102 – 103]²⁰. В принципе миграционный фактор в появлении Филатовки можно принять, памятник удачно расположен у входа на Крымский полуостров. С другой стороны, гипотеза остается гипотезой, в архаическое время, судя по карте-схеме О.Р.Дубовской [Дубовская, 1997, с. 198, рис. 8], рядовые раннескифские погребения не единичны ни в Северном Приазовье, ни далее, между Перекопом и Днепробугским лиманом, а Филатовка, исходя из материала и описания [Бессонова, Черных, Куприй, 1980, с.61], погребение рядовое. К тому же западнее Перекопа с конца VII – VI в. до н.э. функционирует Ягорлыцкое поселение греческих ремесленников, надо думать и торговцев [Оленковский, 2010; Буйских С.Б., Островерхов, 1978 с. 304 – 305; Островерхов, 1978;], а восточнее Чонгарского пролива лежали Кремны, хорошо известные по письменным источникам [Зубарев, 2005, с. 290], но не найденные на современном побережье Азовского моря.

Погребение Черноземное-3/1 у с. Черноземное впускное в кургане эпохи бронзы, расположено в Крымском Присивашье в узкой полосе, насыщенной памятниками разных эпох, лежащей между современным и древним руслами р. Карасу (рис.1,4), ориентировочно там, где и мог бы пролегать путь от Керченского пролива к Перекопскому перешейку.

Погребение в культурном слое Кировского поселения (рис.1,5). Не исключено,

¹⁹ Рассматриваемая С.А. Скорым и Р.В. Зимовцом коллекция артефактов может иметь прикладное значение, так как нет ни уверенности в их аутентичности, ни в точности локализации места находки [Колтухов, 2017], а раз так, то сомнительны и историко-географические реконструкции почтенных артефакторов [Скорый, Зимовец, 2021, с.287 – 326].

²⁰ Греческая расписная керамика редкость, но с появлением черноморской торговли она вполне допустима для кочевников.

что в этом случае можно предположить некий признак скрытости в беспокойном микрорельефе поселения. Судя по расположению и скромному инвентарю, захоронение принадлежит представителю рядового населения и свидетельствует о продвижении скифов в глубинной части Восточного Крыма.

Погребение Григорьевка-5/10 находилось в стороне от пути, пролежавшего вдоль Меотиды. Оно было впускным в кургане, расположенном в глубине Степного Крыма (рис. 1, 3). В 15 км к юго-востоку проходит современное русло Салгира, столь же близко находится точка древней бифуркации этой реки, старое русло которой, ныне степная речка Чатырлык, ведет на север к Перекопскому заливу. Памятник явно не случайный, расположенный вблизи двух водных артерий Степного Крыма, свидетельствующий о хозяйственной деятельности новых обитателей степи.

На общем неярком фоне крайне интересно воинское погребение в кургане у Изюмовки, расположенное на границе равнинного Крыма в восточной части предгорья (рис. 1,6), ныне датируемое временем не позднее конца VII – VI вв. до н.э. [Скорый, Зимовец, 2014, с. 14]. По мнению автора, оно может относиться к концу архаического – началу классического периода²¹. В географическом отношении памятник связан с бассейном предгорной реки Чурук-Су и, скорее всего, находится в уже начавшей формироваться ресурсной зоне древней Феодосии.

Общий же вывод заключается в том, что передвижение кочевников на ограниченной и небогатой ресурсами территории крымской степной провинции выбиралось с учетом размещения постоянных водотоков и водоемов.

Погребальный обряд: погребения этого времени обнаружены в курганах и в одном случае на древнем поселении, почти все они впускные в насыпи эпохи бронзы. Исключением является курган на Темир-Горе, но при анализе результатов полевых работ [Вахтина 2017] становится понятно, что погребение хотя и было основным, однако параметры первоначального кургана были намного скромнее [Кузнецова, 2002].

Топография захоронений в курганах традиционна как для эпохи бронзы, так и для I тыс. до н.э., расположение единственного основного погребения центральное [Кузнецова, 2002, с. 87, рис. 1]. Большинство впускных погребений также обнаружены в центральной части курганов. Несколько выпадает из этой системы погребение 11/1 в Филатовке (рис. 3,1), заметно смещенное в северную полу. Скорее всего, оно носило подчиненный характер по отношению к некоему объекту, находившемуся в центре кургана, скорее всего, к погребению 11/4.

Прослеженные погребальные сооружения единичны. В Темир-Горе это вырубленная в скале округлая яма, ориентированная с запада на восток. В Григорьевке это катакомба с погребальной камерой размером 2,0 x 1,4 м, глубиной 2,0 м и полуовальной входной

²¹ Вряд ли памятник возник в ходе недоказуемой попытки покорения тавров [см. Скорый, Зимовец, 2015, с. 43; Колтухов, 2017, с. 61]. Вряд ли стоит верить «поисковикам», они и их эмиссары еще не то подскажут ученому люду.

ямой, ориентированная с запада на восток (рис. 4,4). В Филатовке 11/1 форма погребального сооружения не прослежена, но его ориентация должна соответствовать оси запад – восток. Форма погребального сооружения в Черноземном-3/1 неизвестна, однако ориентация соответствовала оси юго-запад – северо-восток. Погребение в Филатовке-11/4 совершено в подбойной могиле, видимо это наследие новочеркасского (позднечерногородовского) обряда.

Следовательно, погребальные сооружения неоднородны и разнообразны, присутствуют ямы различной формы и катакомба, вероятно и подбойная могила. Относительно стабильна лишь широтная ориентация могил с сезонными отклонениями.

В основном погребении Темир-Горы отмечено вытянутое положение костяка при западной ориентации, нечто подобное было в Филатовке-11/4, погребение в Григорьевке характеризуется скорченным положением на боку с разворотом на живот при западной ориентации (рис. 4,4). Погребение Черноземное-3/1 совершено в вытянутом положении на спине головой на юго-запад, в Кировском поселении погребение было совершено в вытянутом положении на спине головой на запад (рис. 4,3).

Погребальный инвентарь: как и в предскифское время, присутствуют оружие и элементы снаряжения (рис.2,4). Появляется античная столовая керамика: два расписных античных сосуда из Темир-Горы и Филатовки (рис. 2,2; 3,3-5), относящиеся ко второй половине VII в. до н.э. и свидетельствующие о ранних контактах с греками.

Категории находок в погребальном инвентаре по сути те же, что и в предскифское время [Дубовская, 1997], но изменились признаки, характеризующие тип. Длинный меч из Изюмовки достаточно древний, отличается почковидным перекрестием и брусковидным навершием рукояти, однако дата самого погребения, по мнению автора, относится к концу архаического – началу классического времени. Чрезвычайно интересным был бы шлем и панцирь из Изюмовки, однако автор, равно как и читатель, знает лишь то, что они были упомянуты находчиками²². К новым типам относятся бронзовые и железные наконечники стрел (рис. 4,5,7), по-настоящему новые лишь изделия в зверином стиле из Темир-Горы (рис. 2,3,4) и костяные «столбики» из Темир-Горы, Григорьевки и Кировского (рис.2,5; 4,6,2).

Завершая обзор погребений, можно утверждать, что к памятникам собственно скифской архаики в Крыму следует отнести 5 погребений: Филатовка-11/1, Темир-Гора, Григорьевка, Черноземное и погребение на Кировском поселении. Весьма вероятно скифское происхождение шестого погребения – Филатовка-11/4. В плане абсолютной хронологии погребения у Филатовки и на Темир-Горе следует соотносить со второй половиной VII в. до н.э.²³ Учитывая современную тенденцию удревления

²² Что может, а скорее всего, и должно понизить датировку комплекса в рамках VI в. до н.э., особенно в свете существования расположенного чуть севернее воинского погребения Надежда, относящегося к концу VI – началу V в. до н.э. [ср. Полин, Колтухов, 2014].

²³ Более строгие датировки оставим строгим авторам, замечу лишь то, что датировка сосуда из Темир-Горы, скорее всего, не изменится, тогда как дата сосуда из Филатовки будет стремиться к последней четверти этого столетия.

комплексов, ранее относимых к VI в. до н.э. до второй половины – конца VII – начала VI в. до н.э., таким же образом можно датировать памятники из Григорьевки, Черноземного и Кировского, впрочем, вероятно и более широкая датировка, за счет еще большего повышения верхней хронологической границы.

Показательно и то, что погребения нельзя отнести к числу воинских. В четырех случаях, включая и Филатовку с ее расписным античным сосудом, это погребения представителей рядового населения, не слишком отличающиеся от синхронных захоронений предскифского и раннескифского времени в степях Приазовья – Причерноморья.

Погребение на Темир-Горе, скорее всего, принадлежит представителю родовой верхушки, вряд ли статус этого человека был выше. Некоторые особенности погребального обряда и инвентаря указывают на близость скифских погребений Восточного и Степного Крыма отдельным скифским погребениям Подонья – Приазовья. Учитывая расположение самых ярких крымских памятников, как бы очерчивающих маршрут Перекоп – Керченский пролив и локализацию аналогий, можно отдать предпочтение миграции через Боспор Кимерийский. Параллельно существовал и другой путь, ведущий в Крым через Северное Приазовье, так как препятствий на этом маршруте не было, а раннескифские погребения вплоть до низовий Днепра есть [см. Дубовская, 1997, с.198, рис.8].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII – IV вв. до н.э. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003, 416 с.
- Батчаев В.М.* Курганы скифского времени у селения Нартан // Археологические исследования на ново-стройках Кабардино-Балкарии в 1972 – 1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 19 – 115.
- Бессонова С.С., Черных Л.А., Куприй С.А.* Курганы у с. Филатовка // Курганы степного Крыма. Сборник научных трудов / Отв. ред. В.Н. Корпусова. К.: Наукова думка, 1984. С.41 – 68.
- Буйских А.В.* Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточнотресская, лаконская, коринфская, имитации). Київ: Стародавній Світ, 2013. 456 с.
- Буйских С.Б., Островерхов А.С.* Работы на Ягорлыцком поселении // АО-1977. М.: Наука, 1978. – С.304-305.
- Бунятян Е.П.* Методика социальных реконструкций в археологии: на материалах скифских памятников IV – III вв. до н.э. К.: Наукова думка, 1985. 225 с.
- Вахтина М.Ю.* Еще раз об основном погребении кургана Темир-Гора и об одном из путей распространения раннего греческого импорта в Северном Причерноморье // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола 7-8 июля 2016 г. / Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер. М.: ГИМ, 2016. С. 12 – 18.
- Вахтина М.Ю.* Из истории раскопок кургана на Темир-Горе (по материалам научного архива ИИМК РАН). Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Исследователи и исследования. Вып. XVII / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2016 а. С.73 – 82.
- Вахтина М.Ю.* Из истории раскопок кургана на Темир-Горе (по материалам научного архива ИИМК РАН) // Боспорские исследования. Вып. XXXV. Симферополь: КФУ, 2017. С. 389 – 410.
- Вахтина М.Ю., Виноградов А.Ю., Рогов Е.Я.* Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980 № 4. С.155 – 161.

- Вахтина М. Ю., Каууба М. Т.* Находки ранней греческой керамики в варварских памятниках Северного Причерноморья и время появления постоянных античных поселений в регионе // Боспорские чтения. Вып. XV. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Актуальные проблемы хронологии: Материалы. Керчь: Керченская городская типография, 2014. С. 69 – 79.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII – I вв. до н.э./ Науч. ред. С.Л. Соловьев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 37.
- Галанина Л.К.* Келермесские курганы. Царские погребения раннескифской эпохи. М., 1997. 269 с. + ил.
- Григорьев В.П., Скорый С.А.* Курганы у с. Гладковщина – памятники скифской архаики в Левобережной Приднепровской террасовой лесостепи // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae / red. W. Blajer. Краков: Prol-Archeo, 2012. P. 441 – 459.
- Дараган М.Н.* О датировке амфоры из Репяховатой могилы // Античный мир и археология. Саратов, 2010. № 14. С. 175 – 202.
- Дараган М.Н.* О раннескифском колчанном наборе из погребения 1 кургана 4 у с. Гладковщина // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой (Москва, 25–27 апреля 2016 г.) / отв. ред. А. С. Балаханцев, С. В. Кулланда. М.: ИВ РАН, 2016. С. 62 – 75.
- Дараган М.Н.* О формировании скифских колчаных наборов второй половины VI в. до н.э. // Stratum + 2017. № 3. С. 51 – 112.
- Денти М.* Распространение керамики «Middle Wild Goat Styl 1» от Черного моря до Западной Греции: Контекст восприятия и назначения // Аристей. Т. XIV. М.: Университет Дм. Пожарского, 2016. С. 15 – 52.
- Дубовская О.Р.* Раннескифские погребения у ст. Новокорсунской // СА. 1990, № 4. С. 182 – 189.
- Дубовская О.Р.* Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах / Ред. А.В. Колесник. № 6, Донецк, 1997. С. 181 – 218.
- Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: ИД ЯСК, 2005. 504 с.
- Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И.* Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Сборник научных трудов / Отв. ред. А.И. Тереножкин. К.: Наукова думка, 1980. С.31 – 63.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII – IV вв. до н.э. К.: Наукова Думка, 1983. 380 с.
- Канторович А.Р.* Скифский звериный стиль Крыма как региональный компонент восточноевропейского скифского звериного стиля (репертуар, хронология и статистические показатели) // «И музюо его была наука». Сборник памяти В.А. Кореняко (1952–2016) / Отв. ред и сост. С.В.Кузьминых, А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2017. С. 143 – 180.
- Канторович А.Р.* Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Дисс. ... докт. ист. наук. М.: 2015, 1686 с.
- Канторович А.Р.* Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динамика // «Исторические исследования», электронный журнал исторического факультета МГУ № 3, 2015а. С. 113 – 218.
- Колотухин В.А.* Киммерийцы и скифы Степного Крыма (подкурганные погребения Степного Крыма начала железного века). Симферополь: Сонат, 2000. 120 с.
- Колотухин В.А., Колтухов С.Г.* Скифские погребения в Крымском Приазовье (курганы 11 – 13 у с. Астанино) // Древности Боспора. Т. 11. М.: ИА РАН, 2007. С. 213 – 224.
- Колтухов С.Г.* Скифы Северо-Западного Крыма в VII – IV вв. до н.э. (погребальные памятники). Донецк: Донбасс, 2012, 268 с. (Археологический альманах, № 27).
- Колтухов С.Г.* Скифы Крымского Присивашья в VII – IV вв. до н.э. Погребальные памятники. Ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма. Симферополь: Феникс, 2012а, 140 с.

- Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Погребения предскифского и скифского времени в курганах долины р.Салгир // История и археология Крыма. Вып. III / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь, 2016. С. 47 – 78.
- Колтухов С.Г. Скифы и кизил-кобинская культура Горного Крыма (к публикации одной коллекции) // История и археология Крыма. Вып. 5. / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: Бровко А.А., 2017. С. 46 – 66.
- Копейкина Л.В. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. 1972, № 1. С.147 – 159.
- Копылов В.П. Греческая керамика из раннескифских погребений Нижнего Подонья // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов VII Международной конференции, Ростов-на-Д.,1994. С. 22 – 25.
- Коренько В.А., Лукьяшко С.И. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА. 1982, № 3. С. 181 – 189.
- Корпусова В.Н. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана у с. Филатовка // ВДИ. 1980, № 2. С. 101 – 104.
- Кравченко С.А. Кизил-кобинська кераміка Керкінітіди VI – IV ст. до н.е. // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого /Отв. ред. С.С. Бессонова. Киев – Полтава: ИА НАНУ, 2009. С. 189 – 200.
- Кузнецова Т.М. Загадки Темир-Горы // БФ: погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб: Изд-во ГЭ, 2002, С.79 – 90.
- Лесков А.М. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма (предскифский период и скифы) / Отв. ред. А.М. Лесков. К.: Наукова думка, 1970. С. 7 – 59.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские древности VI – V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Кубанский гос. университет, 2012. 316 с.
- Масленников А.А. Греки и варвары на границах Боспора (взгляд на проблему к концу тысячелетия) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996 – 1997 гг. Северное Причерноморье в Античности: Вопросы источниковедения / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. С. 170 – 192.
- Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. 1992, № 3. С. 86 – 107.
- Мелюкова А.И. Локальные группы скифской и скифообразной культур Восточной Европы. Скифские памятники степи Северного Причерноморья // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время М.: Наука, 1989. С. 48 – 66.
- Новичихин А.М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. (по материалам погребальных памятников). Анапа: РИО СГУТ и КД, 2006. 220 с.
- Оленковский Н.П. Древности Ягорлыцкого края (уникальная история на фоне уникальной природы). – Херсон, 2010. – 20 с.
- Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII – III вв. до н.э.) М.: Наука, 1991. 256 с.
- Острроверхов А.С. Антична склоробна майстерня на Ягорлыцькому поселенні // Археологія. – Вип.25. – К.: Наукова думка, 1978. – С.41 – 49.
- Петренко В.Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: ИА РАН, 1990. С. 60 – 81.
- Петренко В.Г., Мяслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII – III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. Сборник статей / отв. ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 238 – 248.
- Полин С. В., Колтухов С. Г. Скифское погребение в кургане у с. Надежда в Крыму // Война и военное дело в скифо - сарматском мире: материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26 – 29 апреля 2014 г.). Ростов Н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 310 – 328.
- Придик Е.М. Мельгуновский клад 1763 г. // МАР. № 31. СПб., 1911. С.1 – 29.

- Рукавишникова И.В., Бейлин Д.В., Зайцев Ю.П.* Исследования кургана у с. Львовское // КСИА. Вып. 253. М.: ИА РАН. 2018. С. 42 – 53.
- Рукавишникова И.В., Бейлин Д.В., Зайцев Ю.П.* Исследования кургана № 2 у с. Львовское // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017 – 2018 гг. Т.2. М.: ИА РАН, 2019. С. 29 – 56.
- Скорый С.А.* Раннескифский меч из с. Изюмовка близ Старого Крыма // СА. 19 77, № 1. С. 280 – 281.
- Скорый С.А.* Скифські довгі мечі // Археологія. 1981. Вип. 36. С. 19 – 25.
- Скорый С.А., Зимовец Р.В.* Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев: О. Филлюк, 2014. 180 с.
- Скорый С.А., Зимовец Р.В.* Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Изд. 20-е доп. и перераб. Полтава: ООО «АСМИ», 2021. 344 с.
- Смирнов Н.Ю.* Зверь и птица из Темир-Горы // Боспорские исследования: сборник / Отв. ред. В.Н. Зинько. Вып. XXXI. Керчь, 1915. С.50 – 59.
- Спицин А.А.* Курганы скифов пахарей. ИАК. Вып. 65, 1918. С. 87 – 143.
- Техов Б.В.* Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII – VI вв. до н.э. (по материалам Глийского могильника // Скифия и Кавказ. Сборник научных трудов / Отв. ред. А.И. Тереножкин. К.: Наукова думка, 1980, С.219 – 257.
- Толстиков В.П., Тугушева О.В., Асташова Н.С.* О времени основания Пантикапея // Таврические студии. № 12. Симферополь, 2017. С.12 – 44.
- Чистов Д.Е.* Комплексы и напластования последней четверти VI — первой четверти V в. до н.э. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 2. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2012. С. 41–63. (История исследований на острове Березань).
- Шевченко И.Ф.* Курган раннескифского времени у хутора Красный // АСГЭ. Вып. 39. СПб.: Изд-во ГЭ, 2013. С. 100 – 118.
- Яковенко Э.В.* Курган на Темир - Горе // СА. 1972, № 3. С.259 – 267.
- Boardman J.* Early Greek Vase Painting. New York:Thames and Hadson, 1998. 287 p.

REFERENCES

- Alekseev A.Yu.* Hronografiya Evropejskoj Skifii VII – IV vv. do n.e. SPb., Izd-vo Gos. Ermitazha, 2003, 416 s.
- Batchaev V.M.* Kurgany skifskogo vremeni u seleniya Nartan // Arheologicheskie issledovaniya na novostrojках Kabardino-Balkarii v 1972 – 1979 g. Nalchik: Elbrus, 1985. S. 19 – 115.
- Bessonova S.S., Chernyh L.A., Kuprij S.A.* Kurgany u s. Filatovka // Kurgany stepnogo Kryma. Sbornik nauchnyh trudov /Otv. red. V.N. Korpusova. K.: Naukova dumka, 1984. S.41 – 68.
- Bujskih A.V.* Arhaicheskaya raspisnaya keramika iz Olvii (vostochnogrecheskaya, lakonskaya, korinfskaya, imitacii). Kiyiv: Starodavnij Svit, 2013. 456 s.
- Bujskih S.B., Ostroverhov A.S.* Raboty na Yagorlyckom poselenii //AO-1977. M.: Nauka, 1978. – S.304 – 305.
- Bunyatyayn E.P.* Metodika socialnyh rekonstrukcij v arheologii: na materialah skifskih pamyatnikov IV – III vv. do n.e. K.: Naukova dumka, 1985. 225 c.
- Vahtina M.Yu.* Eshe raz ob osnovnom pogrebenii kurgana Temir-Gora i ob odnom iz putej rasprostraneniya rannego grecheskogo importa v Severnom Prichernomore // Aziatskij Bospor i Prikubane v dorimskoe vremya. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola 7-8 iyulya 2016 g. /D.V.Zhuravlev, U. Shlotcauer. M.: GIM, 2016. S. 12 – 18.
- Vahtina M.Yu.* Iz istorii raskopok kurgana na Temir-Gore (po materialam nauchnogo arhiva IIMK RAN) Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekovya. Issledovateli i issledovaniya. Vyp. XVII / Red.-sost. V.N. Zinko, E.A. Zinko. Kerch, 2016 a. S.73-82.
- Vahtina M.Yu.* Iz istorii raskopok kurgana na Temir-Gore (po materialam nauchnogo arhiva IIMK RAN) // Bosporskie issledovaniya. Vyp. XXXV. Simferopol: KFU, 2017. S. 389 – 410.

- Vahtina M.Yu., Vinogradov A.Yu., Rogov E.Ya. Ob odnom iz marshrutov voennykh pohodov i sezonnykh migracij kochevykh skifov // VDI. 1980 № 4. S.155 – 161.
- Vahtina M. Yu., Kashuba M. T. Nahodki rannej grecheskoj keramiki v varvarskih pamyatnikah Severnogo Prichernomor'ya i vremya poyavleniya postoyannykh antichnykh poselenij v regione // Bosporskie chteniya. Vyp. XV. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktualnye problemy hronologii: Materialy. Kerch: Kerchenskaya gorodskaya tipografiya, 2014. S. 69–79.
- Vinogradov Yu.A. Bospor Kimmerijskij: osnovnye etapy istorii v dorimskuyu epohu // Greki i varvary na Bospore Kimmerijskom VII – I vv. do n.e./ Nauch. red. S.L. Solovev. SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2006. S. 37.
- Galanina L.K. Kelermesskie kurgany. Carskie pogrebeniya ranneskifskoj epohi. M., 1997. 269 s. + il.
- Grigorev V.P., Skoryj S.A. Kurgany u s. Gladkovshina – pamyatniki skifskoj arhaiki v Levoberezhnoj Pridneprovskoj terrasovoj Lesostepi // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae / red. W. Blajer. Krakov: Prol-Archeo, 2012. R. 441 – 459.
- Daragan M.N. O datirovke amfory iz Repyahovatoj Mogily // Antichnyj mir i arheologiya. Saratov, 2010, № 14. S. 175 – 202.
- Daragan M.N. O ranneskifskom kolchannom nabore iz pogrebeniya1 kurgana 4 u s. Gladkovshina // Kavkaz i step na rubezhe epohi pozdnej bronzy i rannego zheleza materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashennoj pamyati Marii Nikolaevny Pogrebovoj (Moskva, 25 – 27 aprelya 2016g.) / otv. red. A. S. Balahvancev, S. V. Kullanda. M.: IV RAN, 2016. S. 62 – 75.
- Daragan M.N. O formirovanii skifskih kolchannykh naborov vtoroj poloviny VI v. do n.e. // Stratum + 2017. № 3. S. 51 – 112.
- Denti M. Rasprostranenie keramiki «Middle Wild Goat Styl 1» ot Chernogo morya do Zapadnoj Grecii: Kontekst vospriyatiya i naznacheniya // Aristej. T. XIV. M.: Universitet Dm. Pozharskogo, 2016. S. 15 – 52.
- Dubovskaya O.R. Ranneskifskie pogrebeniya u st. Novokorsunskoj // SA. 1990 , № 4. S. 182 – 189.
- Dubovskaya O.R. Ob etno-kulturnoj atribucii «novoчеркаских» pogrebenij Severnogo Prichernomor'ya // Arheologicheskij almanah / Red. A.V. Kolesnik. № 6, Doneck, 1997. S. 181 – 218.
- Zubarev V.G. Istoricheskaya geografiya Severnogo Prichernomor'ya po dannym antichnoj pismennoj tradicii. M.: ID YaSK, 2005. 504 s.
- Ilinskaya V.A., Mozolevskij B.N., Terenozhkin A.I. Kurgany VI v. do n.e. u s. Matusov // Skifiya i Kavkaz. Sbornik nauchnykh trudov / Otv. red. A.I. Terenozhkin. K.: Naukova dumka, 1980. S. 31 – 63.
- Ilinskaya V.A., Terenozhkin A.I. Skifiya VII – IV vv. do n.e. K.: Naukova Dumka, 1983. 380 s.
- Kantorovich A.R. Skifskij zverinyj stil Kryma kak regionalnyj komponent vostochnoevropejskogo skifskogo zverinogo stilya (repertuar, hronologiya i statichieskie pokazateli) // «I muzoyu ego byla nauka». Sbornik pamyati V.A. Korenyako (1952 – 2016) / Otv. red i sost. S.V. Kuzminykh, A.A. Gorbenko. Azov: Izd-vo Azovskogo muzeya-zapovednika, 2017. S. 143 – 180.
- Kantorovich A.R. Skifskij zverinyj stil Vostochnoj Evropy: klassifikaciya, tipologiya, hronologiya, evolyuciya. Diss. ... dokt. Ist. Nauk. M.: 2015, 1686 s.
- Kantorovich A.R. Obrazy sinkreticheskikh sushestv v vostochnoevropejskom skifskom zverinom stile: klassifikaciya, tipologiya, hronologiya, ikonograficheskaya dinamika // «Istoricheskie Issledovaniya» elektronnyj zhurnal Istoricheskogo fakulteta MGU № 3, 2015a. S. 113 – 218.
- Kolotuhin V.A. Kimmerijcy i skify Stepnogo Kryma (podkurgannye pogrebeniya Stepnogo Kryma nachala zheleznoego veka). Simferopol: Sonat, 2000. 120 s.
- Kolotuhin V.A., Koltuhov S.G. Skifskie pogrebeniya v Krymskom Priazove (kurgany 11=13 u s. Astanino) // Drevnosti Bospora. T. 11. M.: IA RAN, 2007. S. 213 – 224.
- Koltuhov S.G. Skify Severo-Zapadnogo Kryma v VII – IV vv. do n.e. (pogrebalnye pamyatniki). Doneck: Donbass, 2012, 268 s. (Arheologicheskij almanah. № 27).
- Koltuhov S.G. Skify Krymskogo Prisivash'ya v VII – IV vv. do n.e. Pogrebal'nye pamyatniki. Landshaftno-istoricheskoe rajonirovanie arheologicheskikh pamyatnikov Kryma. Simferopol': Feniks, 2012a, 140 s.

- Koltuhov S.G.* Skify i kizil-kobinskaya kultura Gornogo Kryma (k publikacii odnoj kollekcii) // Istoriya i arheologiya Kryma. Vyp. 5. /Otv. red. V.V. Majko. Simferopol: Brovko A.A., 2017. S. 46 – 66.
- Koltuhov S.G., Senatorov S.N.* Pogrebeniya predskifskogo i skifskogo vremeni v kurganah doliny r. Salgir // Istoriya i arheologiya Kryma. Vyp. III /Otv. red. V.V. Majko. Simferopol, 2016. S.47 – 78.
- Kopejkina L.V.* Raspisnaya rodossko-ionijskaya ojnohoya iz kurgana Temir-Gora // VDI. 1972, № 1. S. 147 – 159.
- Kopylov V.P.* Grecheskaya keramika iz ranneskifskih pogrebenij Nizhnego Podonya // Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v drevnosti i srednie veka. Tezisy dokladov VII mezhdunarodnoj konferencii Rostov-n/D,1994. S. 22 – 25.
- Korenyako V.A., Lukyashko S.I.* Novye materialy ranneskifskogo vremeni na Levoberezhje Nizhnego Dona // SA. 1982, № 3. S. 181 – 189.
- Korpusova V.N.* Raspisnaya rodossko-ionijskaya ojnohoya iz kurgana u s. Filatovka // VDI. 1980, № 2. S. 101 – 104.
- Kravchenko Ye.A.* Kizil-kobins'ka kerami'ka Kerkenitidi VI – IV vv. do n.e. // Epokha rannego zheleza. Sbornik nauchny'kh trudov k 60-letiyu S.A. Skorogo /Otv. red. S.S. Bessonova. Kiev – Poltava: IA NANU, 2009. S. 189 – 200.
- Kuznecova T.M.* Zagadki Temir-Gory // BF: pogrebalnye pamyatniki i svyatilisha. Ch. 2. SPb: Izd-vo GE, 2002, S.79-90.
- Leskov A.M.* Kirovskoe poselenie // Drevnosti Vostochnogo Kryma (Predskifskij period i skify) /Otv. red. A.M. Leskov. K.: Naukova dumka, 1970. S. 7 - 59.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I.* Meotskie drevnosti VI – V vv. do n.e. (po materialam gruntovyh mogilnikov pravoberezhya Kubani). Krasnodar: Kubanskij gos. universitet, 2012. 316 s.
- Maslennikov A.A.* Greki i varvary na granicah Bospora (vzglyad na problemu k koncu tysyacheletiya) // Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1996-1997 gg. Severnoe Prichernomorie v antichnosti: Voprosy istochnikovedeniya /Otv. red. A.V. Podosinov. M.: «Vostochnaya literatura» RAN, 1999. S. 170 – 192.
- Medvedskaya I.N.* Periodizaciya skifskoj arhaiki i drevnij Vostok // RA. 1992, № 3. S. 86 – 107.
- Melyukova A.I.* Lokalnye grupy skifskoj i skifoobraznoj kultur Vostochnoj Evropy. Skifskie pamyatniki stepi Severnogo Prichernomorja // Step'i evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya M.: Nauka, 1989. S. 48 – 66.
- Novichihin A.M.* Naselenie Zapadnogo Zakubanya v pervoj polovine I tysyacheletiya do n. e. (po materialam pogrebalnyh pamyatnikov). Anapa: RIO SGUT i KD, 2006. 220 s.
- Olenkovskij N.P.* Drevnosti Yagorlyckogo kraja (unikalnaya istoriya na fone unikalnoj prirody). – Herson, 2010. – 20 s.
- Olhovskij V.S.* Pogrebalno-pominalnaya obryadnost naseleniya Stepnoj Skifii (VII – III vv. do n.e.) M.: Nauka, 1991. 256 s.
- Ostroverhov A.S.* Antichna sklorobna majsternya na Yagorlickomu poseleenni // Arheologiya. – Vip.25. – K.: Naukova dumka, 1978. – S.41 – 49.
- Petrenko V.G.* K voprosu o hronologii ranneskifskih kurganov Centralnogo Predkavkazya // Problemy skifo-sarmatskoj arheologii /Otv. red. A.I. Melyukova. M.: IA RAN, 1990. S. 60 – 81.
- Petrenko V.G., Maslov V.E., Kantorovich A.R.* Hronologiya centralnoj grupy kurganov Novozavedennoe II // Skify i sarmaty v VII – III vv. do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arheologiya. Sbornik statej /otv. red. V.I. Gulyaev, V.S. Olhovskij. M.: IA RAN, 2000. S. 238 – 248.
- Polin S. V., Koltuhov S. G.* Skifskoe pogrebenie v kurgane u s. Nadezhda v Krymu // Vojna i voennoe delo v skifo - sarmatskom mire: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashyonnoj pamyati A.I. Melyukovoj (s. Kagalnik, 26 - 29 aprelya 2014 g.). Rostov n/D: Izd - vo YuNC RAN, 2014. S. 310 – 328.
- Pridik E.M.* Melgunovskij klad 1763 g. // MAR. № 31. SPb., 1911. S.1 – 29.
- Rukavishnikova I.V., Bejlin D.V., Zajcev Yu.P.* Iissledovaniya kurgana u.s. Lgovskoe // KSIA. Vyp. 253. M.: IA RAN. 2018. S. 42 – 53.

- Rukavishnikova I.V., Bejlin D.V., Zajcev Yu.P. Issledovaniya kurgana № 2 u s. Lgovskoe // Krym – Tavrida. Arheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017-2018 gg. T.2. M.: IA RAN, 2019. S. 29 – 56.
- Skoryj S.A. Ranneskifskij mech iz s. Izyumovka bliz Starogo Kryma // SA. 19 77, № 1. S. 280 – 281.
- Skoryj S.A. Skifski dovgi mechi // Arheologiya. 1981. Vip. 36. S. 19 – 25.
- Skoryj S.A., Zimovec R.V. Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoj kollekcii. Kiev: O. Filyuk, 2014. 180 s.
- Skoryj S.A., Zimovec R.V. Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoj kollekcii. Izd. 20-e dop. i pererab. Poltava: OOO «ASMI», 2021. 344 s.
- Smirnov N.Yu. Zver i ptica iz Temir-Gory // Bosporskie issledovaniya: sbornik / Otv. red. V.P. Zinko. Vyp. HHHI. Kerch, 1915. S.50 – 59.
- Spicin A.A. Kurgany skifov paharej. IAK. Vyp. 65, 1918. S. 87 – 143.
- Tehov B.V. Skify i materialnaya kultura Centralnogo Kavkaza v VII – VI vv. do n.e. (po materialam Tlijskogo mogilnka // Skify i Kavkaz. Sbornik nauchnyh trudov / Otv. red. A.I. Terenozhkin. K.: Naukova dumka, 1980, S.219 – 257.
- Tolstikov V.P., Tugusheva O.V., Astashova N.S. O vremeni osnovaniya Pantikapeya // Tavricheskie studii. № 12. Simferopol, 2017. S.12 – 44.
- Chistov D.E. Kompleksy i naplastovaniya poslednej chetverti VI — pervoj chetverti V v. do n.e. // Materialy Berezanskoj (Nizhnebugskoj) antichnoj arheologicheskoj ekspedicii. T. 2. SPb.: Gosudarstvennyj Ermitazh, 2012. S. 41–63. (Istoriya issledovanij na ostrove Berezan).
- Shevchenko I.F. Kurgan ranneskifskogo vremeni u hutora Krasnyj // ASGE. Vyp. 39. SPb.: Izd-vo GE, 2013. S. 100 – 118.
- Yakovenko E.V. Kurgan na Temir - Gore // SA. 1972, № 3. S.259 – 267.
- Boardman J. Early Greek Vase Painting. New York:Thames and Hadson, 1998. 287 p.

Резюме

К архаическому периоду в Крыму относится не более 6 скифских погребений VII – VI вв. до н.э. Погребение в кургане на Темир-Горе принадлежит представителю родовой верхушки, остальные принадлежат рядовым кочевникам. Погребальный обряд и погребальный инвентарь свидетельствуют об их близости погребениям рядовых кочевников левобережья Нижнего Дона, Приазовья и Прикубанья. Расположение таких памятников, как Темир-Гора, Черноземное, Филаговка, может свидетельствовать в пользу функционирования пути, пролегающего от Керченского пролива через Степной Крым и соединяющего Кавказ и Предкавказье с Северо-Причерноморской степью и лесостепью.

Ключевые слова: Боспор, архаика, Темир-Гора, скифы.

Summary

No more than six Scythian burials of the 7th - 6th centuries BC belong to the archaic period in Crimea. The burial in the burial mound on Temir-Gora belongs to a representative of the tribal elite, the rest belongs to ordinary nomads. The burial rite and grave goods testify to their proximity to the burials of ordinary nomads on the left bank of the Lower Don, Azov and Kuban regions. The location of such monuments as Temir-Gora, Chernozemnoye, Filatovka may testify in favor of the functioning of the route running from the Kerch Strait through the Steppe Crimea and connecting the Caucasus and Ciscaucasia with the North-Black Sea Steppe and Forest-Steppe.

Key words: Bosphorus, Archaic, Temir Mountain, Scythians.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Колтухов Сергей Георгиевич, к.и.н., с.н.с.
Института археологии Крыма РФ, РК,
г. Симферополь, пр. Вернадского, д.2.
Koltukhov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Koltukhov Sergey Georgievich,
CSc, Senior Researcher,
Institute of Archeology of Crimea.
RF, RK, Simferopol, Vernadsky prosp., 2.
Koltukhov@mail.ru

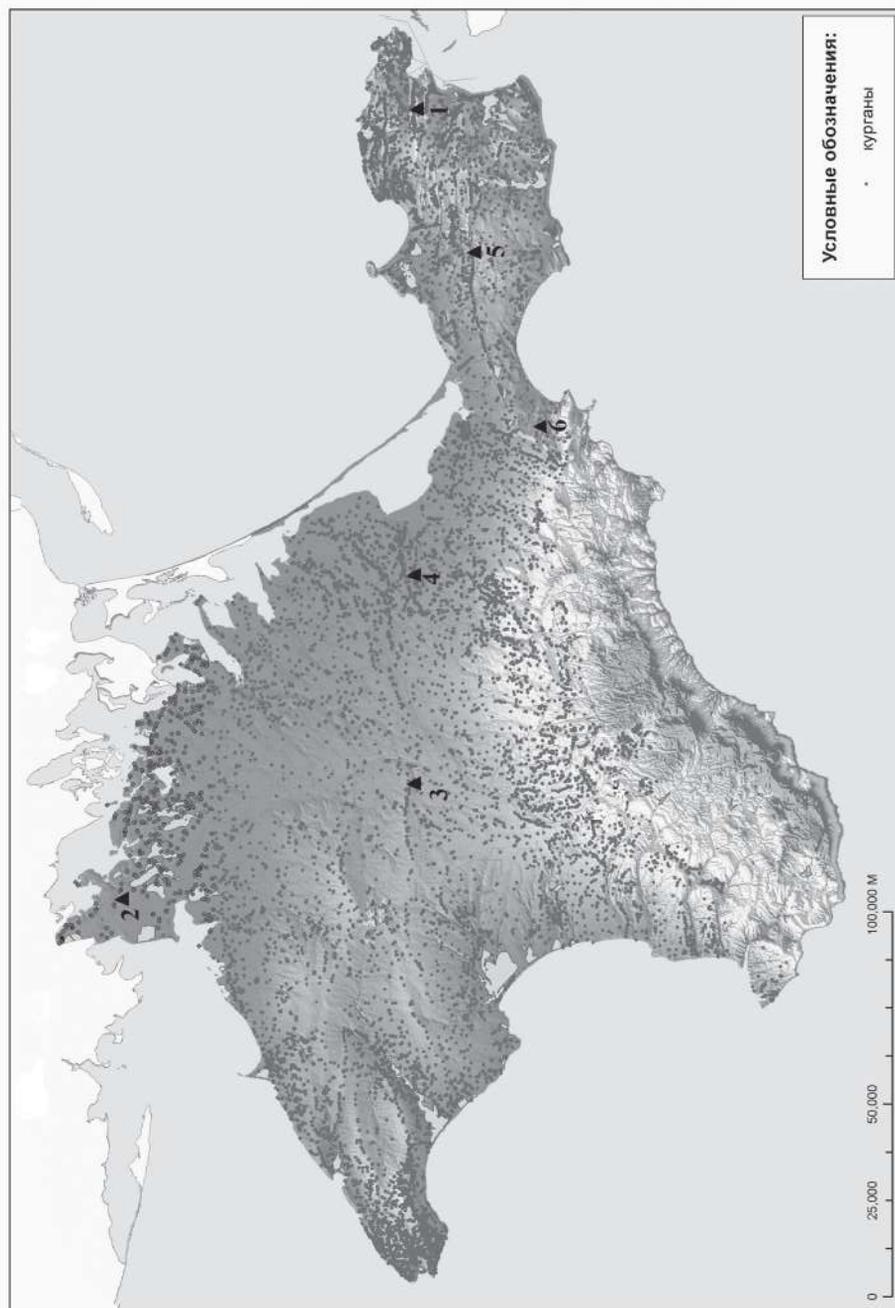

Рис. 1. Локализация погребений архаических погребений. 1 – Темир-Гора; 2 – Филатовка; 3 – Григорьевка; 4 – Черноземное; 5 – Кировское поселение; 6 – Изюмовка.

Рис. 2. Темир-Гора. 1 – фрагментарные участки курганной насыпи на рисунке Ф.И. Гросса; 2 – расписной сосуд из погребения на Темир-Горе; 3 – костяное налучье в зверином стиле (по Н.Ю. Смирнову); 4 – костяная бляха (?) в зверином стиле (по Н.Ю. Смирнову); 5 – костяные «столбики»; 6 – цилиндрический костяной переходник; 7 – бронзовая застежка горита (5-7 – по М.Ю. Вахтиной).

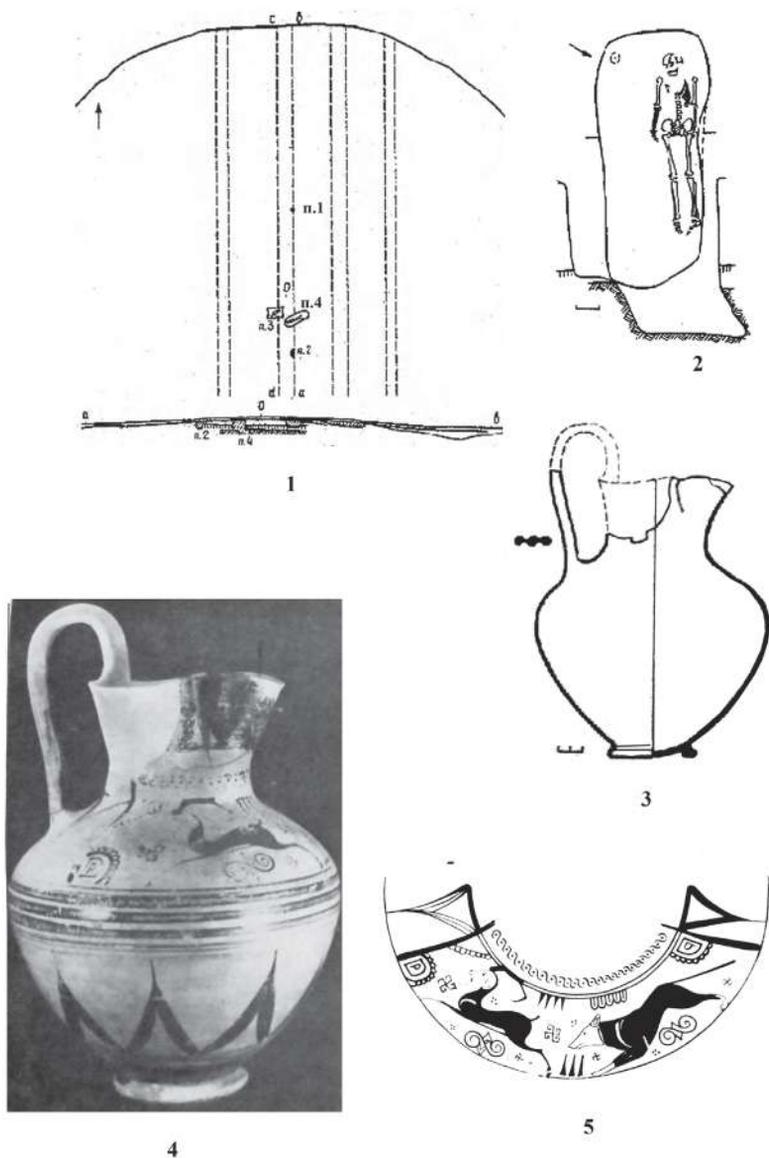

Рис. 3. Филатовка. 1 – фрагмент плана и стратиграфии кургана 11; 2 – план и разрез погребения 4 (1-2 по Бессоновой, Черных, Куприй); 3 – профиль ойнохои; 4 – фото ойнохои; 5 – развертка росписи (3-5 – по Л.В. Копейкиной).

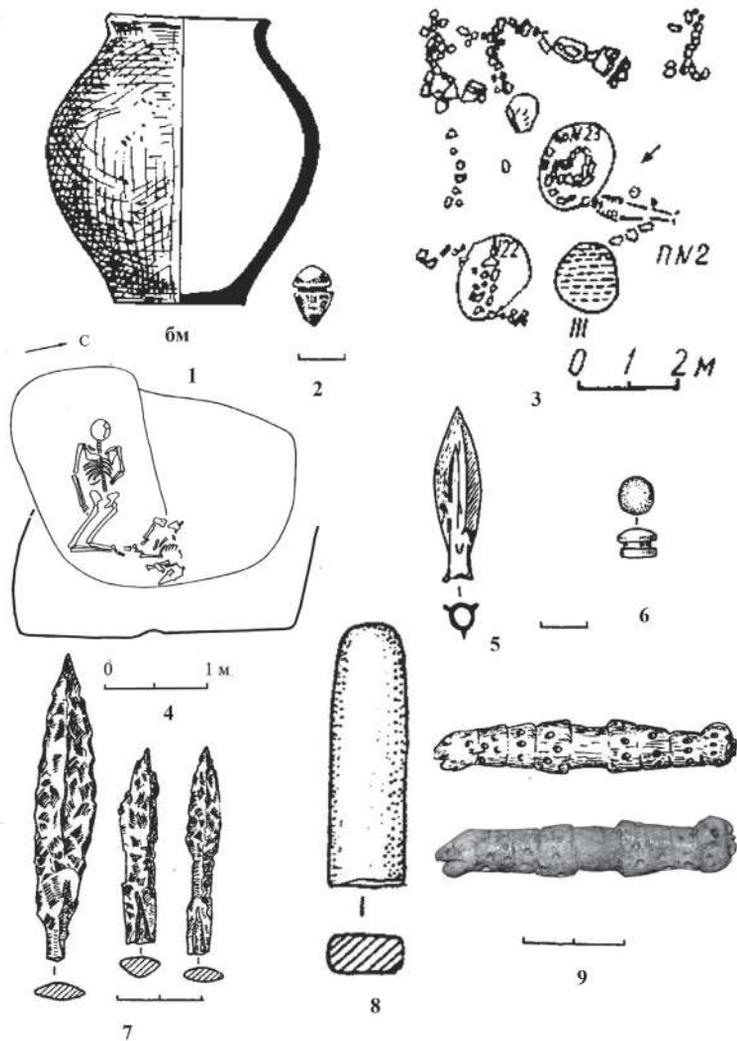

Рис. 4. Кировское поселение: 1 – лепной горшок; 2 – костяной столбик-скрепа; 3 – план участка поселения с погребением (по А.М. Лескову). Григорьевка: 4 – погребение, план и разрез; 5 – бронзовый наконечник стрелы; 6 – костяной столбик – скрепа (по В.А. Колотухину). Черноземное: 7 – железные наконечники стрел; 8 – обломок каменного оселка; 9 – костяная застежка горита (по В.А. Колотухину).